

После вчерашнего ночного озорства Вэй Цю утром не мог даже глаз продрать. Сквозь сон он почувствовал, как его бережно подняли на руки, скормили чашку рисовой каши, после чего он благополучно провалился в сон дальше.

Шинань знал, что тот не встанет, но бояться оставлять мужа голодным — для желудка вредно. Поэтому перед выходом в поле он сначала накормил Вэй Цю, а уж потом отправился по делам.

Когда Вэй Цю окончательно проснулся, солнце уже стояло высоко. Он заторможенно сел, озираясь по сторонам, чтобы прийти в себя. Потом, пошатываясь, оделся и вышел за порог.

— Тсс... — он случайно задел дверной косяк и стиснул зубы.

Внутренняя сторона бедер припухла и ныла. «Негодяй! Опять вчера так усердствовал!»

Тело сегодня ломило, и он гадал, не остались ли на шее отметины — зеркала в доме не было, так что проверить он не мог.

Двигаясь скованно, Вэй Цю смущенно вынес одеяла на улицу просушиться: ему казалось, что даже кончик носа пропитался тем самым запахом.

Управившись с делами, он заранее приготовил обед, чтобы к приходу мужа осталось только быстро обжарить овощи. В полдень Шинань вернулся бодрый и полный сил.

Увидев у порога своего надутого «супруга», который сверлил его сердитым взглядом, Шинань отбросил мотыгу и расхохотался. Он подошел и одним махом закинул Вэй Цю на плечо, унося в дом.

— Эй... немедленно пусти! Чэн Шинань!!! — стоило Шинаню подхватить его, как вся напускная строгость Вэй Цю испарилась, и он сам прыснул со смеху.

Он легонько похлопал мужчину по спине. Нога ведь еще не совсем здорова, а он всё норовит его на руках таскать! Вэй Цю каждый раз боялся лишний раз шевельнуться, чтобы не повредить мужу колено.

Шинань донес его до кана, повалил на одеяла и крепко поцеловал в покрасневшие губы. Вэй Цю, видя, что с этим упрямцем ничего не поделать, лишь беспомощно смеялся, пытаясь пальцами сжать его губы «уточкой», чтобы не даваться для поцелуя. В глазах Шинаня плясали искорки смеха. Он позволял мужу тискать свое лицо как угодно, но руки его крепко обхватили талию и ноги Вэй Цю, притягивая того еще ближе.

Вэй Цю принялся его отчитывать: — В следующий раз не смей так грубо, мне ходить больно! И не оставляй следов на шее, а то люди увидят — засмеют...

Шинань согласно кивнул, но в глазах промелькнуло лукавство. Он припал к шее Вэй Цю, оставляя влажный след.

Вэй Цю пытался увернуться от этого несносного мужика: «Только что обещал — и сразу за свое! Так нечестно!»

— Ши-гэ... ха-ха... щекотно, пусти! Ши-гэ! Чэн Шинань! — раздалось кокетливое хныканье.

Услышав этот мягкий голосок, в котором не было ни капли истинной угрозы, Шинань оттянул воротник Вэй Цю и оставил еще две яркие, глубоко-багряные отметины... За что тут же

получил шуточный шлепок по лбу.

За обедом Шинань с особым рвением подкладывал еду своему «маленькому предку» — разве что на колени не усадил, чтобы кормить изо рта в рот. Однако сердце Вэй Цю было твердо как камень: кроме пары закатанных глаз, Шинань от него ничего не удостоился.

После обеда Шинаню пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы во время дневного сна наконец умиловить своего «предка». Они снова уснули, переплетаясь как жгуты. Вэй Цю посапывал в объятиях Шинаня, одной рукой крепко держа того за ухо. Тишина и покой...

Время летело незаметно. Весенняя страда осталась позади, и в деревне посыпались свадьбы одна за другой! Первыми, после долгого затишья, праздник затеяли в доме Чэн.

Поговаривали, что Гуанцзун берет в жены девушку из города. Шептались, что приданое за ней дают несметное, и даже свадебный пир невеста оплатила полностью, не дав семье жениха и пальцем пошевелить. Как там было на самом деле — бог знает!

Но, глядя на Цянь-ши, которая при встрече с односельчанами снова задирала нос и хвасталась без умолку, стало ясно: денег им перепало немало.

В день свадьбы дом Чэн гулял на широкую ногу. Готовить приехали повара из города, нанятые стороной невесты. Городские не скрывали пренебрежения к деревенским порядкам, считая, что местные не справятся с «достойным» уровнем.

Семья Чэн в тот день хоть и получила свою порцию завистливых взглядов, но вела себя неподобающе: перепив, мужчины наделали кучу глупостей, став посмешищем. Родня невесты держалась холодно и, не дожидаясь окончания пира, откланялась и уехала в город.

Зато свадьбы у Цяней и у тетушки Цзиньхуа прошли куда достойнее. Хоть размах был и поменьше, зато обстановка была теплой и душевной. Жители деревни искренне желали молодым счастья, детишек побольше да состариться вместе...

Вэй Цю, как и следовало ожидать, снова встал у плиты. Семьи Цянь и Цзиньхуа заранее договорились развести даты свадеб, чтобы не перегружать Вэй Цю. С момента назначения дат они по очереди заходили к нему с поклонами и просьбами.

Мало того, что ему вручили пухлые «красные конверты» с деньгами, так еще и завалили сладостями, вином и птицей. Отказать при таком радушии у Вэй Цю просто не поднялась рука...

Ему оставалось лишь беспомощно смотреть на мужа. Шинань хоть и не хотел, чтобы Вэй Цю переутомлялся, но, учитывая добрые отношения с соседями, кивнул в знак согласия. Дома он заставил Вэй Цю обучать его кулинарным хитростям, чтобы помогать на кухне и облегчить ношу мужа. Вдвоем они устроили такие пиры, что деревня еще долго их вспоминала.

Прошел месяц шумных гуляний, и наступила вторая половина пятого месяца. Погода стояла чудесная, на полях дружно взошли хлеба. Изумрудная зелень радовала глаз, межи и склоны гор покрылись ковром безымянных цветов.

Гусята и утята сменили пух на перо и заметно подросли. Вэй Цю повязал им на лапки яркие красные ленточки, чтобы не перепутать своих с чужими.

У ручья Вэй Цю сидел на корточках.

Бам-бам-бам... — он усердно колотил вальком по пододеяльникам и простыням! Несколько дней лил мелкий дождь, и вот, наконец, выглянуло солнце. Накопившуюся гору белья нужно было перестирать немедленно. Вэй Цю поднял голову и утер пот со лба. Его гуси топтались неподалеку, так и норовя залезть в ручей и устроить там кавардак.

Вэй Цю прикрикнул на них: — А ну пошли! Вон река большая, мало вам места? Что вы всё в этот ручеек лезете!

Видно, привыкнув к дому с малых лет, все двадцать гусей и уток наотрез отказывались идти к большой реке на другом конце деревни. Они предпочитали хозяйничать в маленьком ручье.

Вэй Цю пару раз пытался их прогнать к реке, но те, видимо, не поладили с «местными» обитателями речных вод. Получив нагоняй от старожиллов, его гуси больше туда носа не совали. Вэй Цю даже было жаль: он зря потратил красные ленты, чтобы выделять своих среди деревенских — эти «неженки» даже за порог выходить не желали.

Эх... Он вздохнул и продолжил стирку. Ну и ладно, пусть подрастут еще, наберутся сил — он всё еще верил в их боевой потенциал.

Развесив белье, Вэй Цю зашел в дом и залпом выпил целую чашку воды. Небо было ясным, в поле работы сейчас особой не было. Шинань снова стал уходить в лес на охоту: они хотели построить новый дом до прихода настоящей летней жары.

После покупки земли за сорок лянов у них оставалось семьдесят пять. С учетом трат за последние месяцы — сейчас на руках было около семидесяти лянов. Для строительства хорошего дома этого было маловато.

В полдень Шинань не вернулся. Вэй Цю сорвал в огороде охалку зелени и просто сварил себе миску лапши. После еды он отправился в задний двор полоть грядки: дожди напитали землю, и сорняки лезли с невероятной скоростью. Если запустить, они мигом заглушат овощи. Сейчас в их огороде было изобилие: на шпалерах висели стручковая фасоль и люффа, подрастали баклажаны, чили, капуста и редька — скоро всё можно будет подавать к столу!

Га-га-га! — внезапно раздался громкий гусиный крик. Вэй Цю понял: кто-то пришел.

Выйдя из сада, он увидел Линь Цао с маленьким Дань-данем. Мальчишка гонялся за гусями, распуская их по всему двору.

— Ах ты, паршивец! А ну перестань их гонять! — Линь Цао увидел, что сын уже загнал бедных птиц к самому ручью, и рывкнул во всё горло. Дань-дань вжал голову в плечи и со всех ног припустил обратно, прячась за спину Вэй Цю.

Вэй Цю с улыбкой завел гостей в дом: — Чего это вы в такое время решили заглянуть?

Линь Цао весело ответил: — Пришел к тебе за тишиной и покоем, у тебя тут благодать. Чем занимаешься? Шинаня нет дома?

— Ушел в лес, еще вчера утром. К вечеру должен быть, — ответил Вэй Цю.

Они сели пить ячменный чай и неспешно беседовать. Дань-дань, не в силах усидеть на месте, снова убежал играть к гусям. Глядя на него, Линь Цао только вздыхал: такой же егоза, как и отец, ни минуты покоя.

Вэй Цю усмехнулся: — Пусть бегают, здоровее будет...

Линь Цао обреченно кивнул: — Здоровый-то он как бычок, вечно с Чжуцзы и остальными дерется! Но дети — они такие: подерутся, а через пять минут уже снова друг без друга не могут.

— Мэн Цюань сказывал, вы дом строить собрались? — отпив чаю, спросил Линь Цао.

— Да, как только денег поднакопим, сразу начнем.

— И правильно. Летом в этих двух комнатках будет душно. Если помощь какая понадобится — только свистни... — Линь Цао открыто улыбнулся.

Вэй Цю кивнул: — Обязательно. Попросим брата Мэна помочь нам с поиском людей, а то мы с Ши-гэ в этом деле мало что смыслим...

Линь Цао махнул рукой: — Да брось, свои же люди, одной деревни...

Так за разговорами и сплетнями пролетел весь вечер.

— Ой, что я тебе скажу, — Линь Цао понизил голос. — Из всех трех пар новобрачных в деревне только у Чэнов каждый божий день скандалы. Вся деревня уже уши заткнула. Я когда к тебе шел, там опять ор стоял, уж не знаю, что они там не поделили. То ли дело у Цяней или в доме Да Мэна: невестки вошли в дом — и у свекрови на лице одно счастье. Дядя Цянь и отец Да Мэна теперь по деревне не ходят, а летают!

Вэй Цю кивнул: — Обе семьи добрые, жизнь у них наладится. Особенно Амо Цянь — он сам столько горя натерпелся, уж точно не даст невестке страдать.

Линь Цао вздохнул: — Выйти замуж — значит одеться и наесться. Если человек правильный попался — даже в бедности голодным не останешься. — Линь Цао никогда не жалел, что пошел за Мэн Цюаня.

Вэй Цю был с ним полностью согласен. Ведь и у него всё сложилось так же. Если бы не Чэн Шинань и это удивительное приключение, его тихая прошлая жизнь уже давно бы закончилась, и не было бы у него сейчас всего того, что он так ценит...

<http://bllate.org/book/17091/1600497>